
Скиннер Д., Валсинер Я., Холланд Д. Различая диалогическое Я : теоретическое и методологическое рассмотрение нарратива непальского подростка / пер. с англ. и вступ. ст. Д. Э. Гаспарян // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 255–283.

Диалог и нарратив: бахтиноведение сквозь призму эмпирических наук*

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-3-255-283.

Вниманию отечественных читателей предлагается перевод статьи Дебры Скиннер, Яана Валсинера и Дороти Холланд «Различая диалогическое Я: Теоретическое и методологическое рассмотрение нарратива непальского подростка», вышедшей в свет на английском языке в 2001 году.

Дебра Скиннер — известная американская исследовательница, специализирующаяся в культурной и медицинской антропологии. В своих исследованиях она концентрируется на проблеме детского развития, а также на вопросе о том, как в социальном мире происходит процесс производства, усваивания и приобретения знания. В целом ее исследования можно охарактеризовать как находящиеся на стыке между антропологией, психологией взросления и социологией. Это позволяет ей использовать как многообразие количественных методов, так и традиционные дескриптивные и спекулятивные методы философии и антропологии. Как именно она это делает, будет уже отчетливо видно из самой статьи. Немаловажным для понимания предлагаемой статьи аспектом биографии Скиннер является то, что она проводила полевые исследования не только в США, но и в Непале: основной эмпирический материал статьи и был, по-видимому, собран в ходе этой работы.

Яан Валсинер — известный американский исследователь эстонского происхождения. В настоящий момент он профессор Алборгского университета в Дании. Приобрел известность в качестве исследователя в области психологии взросления и культурной психологии. Особое внимание Валсинер уделяет вопросу о том, как человеческие существа используют знаки и символы для регулирования своих ментальных функций. Профессор Валсинер — главный редактор таких крупных

*Перевод: Диана Гаспарян, к. филос. н., доцент (НИУ ВШЭ, Москва). Перевод выполнен при поддержке гранта РНФ «Отечественная философия XIX–XXI вв. в интеллектуальном пространстве Запада: критика, рецепция, диалог», 2019–2021, № 19–18–00100.

научных изданий, как *Culture & Psychology* и *Integrative Psychological and Behavioral Science*.

Дороти Холланд работает в департаменте антропологии Университета Северной Каролины. Она занимается исследованиями в области этнографии, культурных движений и специализируется на вопросах идентичности, активизма и социальных движений. Принимала участие во многих антропологических полевых исследованиях, в том числе и в исследованиях в Непале.

Приведенные исследовательницы и исследователь посвятили предлагаемую для прочтения статью описанию и интерпретации интервью, которое было взято у непальского подростка. Но для интерпретации они прибегают не к стандартному инструментарию полевой и эмпирической антропологии, а к учению Бахтина о диалогизме речи. Здесь требуется небольшое пояснение.

В отечественной исследовательской литературе имя Бахтина прочно (и справедливо) ассоциируется с литературоведением. Действительно, в своих работах Бахтин не выходил далеко за пределы исследований литературы и использовал в качестве эмпирического материала для своей работы именно литературные тексты. Однако не во всем мире у Бахтина такой образ. Бахтинские тексты, появившись на «Западе» на английском языке (а потом и на других), были восприняты в русле структуралистской и постструктуралистской литературной теории и философии. Это поспособствовало тому, что идеи Бахтина достаточно быстро покинули лоно литературоведения и достаточно успешно интегрировались сначала в философию, а потом в прочие гуманитарные и социо-гуманитарные науки. В том числе и в антропологию. Причем не только в философское «отделение» антропологии, но и в более прикладные исследования.

Если говорить непосредственно о западной традиции освоения наследия М. Бахтина, любопытным фактом является то, его идеи получили наибольшее развитие в психологии и социологии. Сегодня поиск статей с использованием категориального аппарата М. Бахтина или исследований, напрямую связанных с его наследием, в значительном объеме находится в тематических разделах «Social Studies»: в рубриках по психологии личности, социологии отношений, культурной психологии, кросс-культурным и этнокультурным исследованиям и пр. При этом формирование корпуса идей Бахтина в англоязычной исследовательской среде произошло не столько благодаря комплексному рассмотрению его теории, сколько за счет выборочной интерпретации и адаптации

его наработок для подведения теорий к полевым исследованиям в области скорее социальных наук («Social Studies»), нежели гуманитарных («Arts and Humanities»). Одной из характерных особенностей западного бахтиноведения выступает прикладной запрос на концептуальное наследие мыслителя, а также то, что авторы, опирающиеся на каркас бахтинских концептов, шли от своего собственного по большей части практико- и проблемно-ориентированного интереса. Таким образом, идеи и подходы М. Бахтина оказались емкими и продуктивными для исследований, использующих в том числе эмпирический материал и количественные данные.

Важное место Бахтин занял в исследованиях идентичности. Богатый и разнообразный теоретический аппарат, который он разработал, позволяет анализировать генезис и динамику изменения и развития Я и идентичности. Бахтин дает возможность анализировать, как формируется субъективность, как она взаимодействует с окружающим миром и различными дискурсами. Диалогичность при таком анализе помещается в основание большинства социальных практик. С одной стороны, тем, что делает их возможными, с другой тем, что позволяет индивидам обрести свою субъективность и идентичность.

Подход Валсинера и его коллег, разветвленный и в значительной степени междисциплинарный, использует бахтинское видение формирования идентичности и агентности внутри культуральной активности. Ключевыми понятиями его теории являются *диалоговость* и *сконфигурированные миры*, которые исходят из антропологических исследований Бахтина. Согласно Валсинеру, сконфигурированные миры создаются посредством социальных практик и их участников, каждый из которых выполняет свойственный ему набор действий. Социокультурная идентичность конфигурируется одновременно с конфигурированием мира, для чего необходим диалог и диалоговое взаимодействие с прочими участниками. Следовательно, каждая идентичность несет в себе отголосок и «взвесь» того сконфигурированного мира и его обитателей, с которыми она взаимодействовала в процессе формирования, и именно синтез этих отголосков и впечатков образует рисунок экстернализации и репрезентации от имени определенного мира.

Предлагаемая для ознакомления статья является удачной иллюстрацией обозначенного процесса. В ней указывается, что, несмотря на специфику материала, который анализирует Бахтин, его на самом деле интересовал «живущий язык, речь, которой говорят действительные

люди в разных ситуациях, обращаясь к слушателям, как непосредственным, так и удаленным». Оказалось, что открытия, сделанные Бахтиным в отношении маленького круга текстов, могут быть экстраполированы на человеческую речь вообще, поскольку последняя рассматривается как социальный феномен. В статье не обсуждается валидность такой экстраполяции, но, по-видимому, сама возможность успешно применить ее для описания конкретных случаев делает ее продуктивной эмпирической гипотезой. Кроме того, кратко описанная выше история рецепции Бахтина только подталкивает к такого рода использованию этой теоретической базы.

Как уже указывалось выше, для интерпретации речи непальского подростка используется учение Бахтина о диалогизме речи. Бахтин полагал, что живой язык неоднороден и составляет собой переплетение множества различных социальных языков или социолектов, как они называются в статье. Эти социолекты существуют одновременно, переплетаются, встраиваются в речь различных агентов и агенток в социальной коммуникации. Напомню, Бахтин в основном изучал их на материале Рабле, Достоевского или Кьеркогора, но современные последовательницы и последователи Бахтина пошли дальше и начали применять этот подход за пределами художественной литературы. Помимо социолектов Бахтин также выделял так называемые речевые жанры, которые отличаются от социолектов тем, что последние скорее прочно ассоциируются с определенными социальными группами, в то время как первые просто являются видами высказываний в различных ситуациях. К речевым жанрам относятся жанры художественной и научной литературы, виды повседневной речи (деловая, интимная и т. д.), песни и проч. Две эти категории нужны Бахтину для того, чтобы прояснить процесс производства высказывания некоторым конкретным индивидом, который, соответственно, должен выбирать как жанр(ы), так и социолект(ы), чтобы произвести свое новое высказывание.

Вооружившись кратко описанным выше теоретическим аппаратом, исследовательницы и исследователь применили его для описания речевого разнообразия сельского общества Непала с кастовым составом. В такого вида обществе, кажется, можно ожидать причудливое переплетение различных социолектов на фоне жанрового разнообразия. Иными словами, если теория Бахтина подходит для описания реальной речи, то вряд ли она подходит для это в каком-нибудь случае больше, чем в этом.

Мы используем как бахтинские концепты, очерченные выше, так и понятие сконфигурированного мира, чтобы продемонстрировать, как можно анализировать нарративы, чтобы показать диалогическое развитие идентичности и агентности, специфичное для исторически обусловленных, социально предписанных, культурально сконструированных миров.

Я не буду подробно пересказывать то, как именно они это делают, так как полагаю, что написанного уже достаточно, чтобы сформировать общее представление о том, чему посвящена данная статья, а также заинтересовать потенциальных читательниц и читателей. Поэтому я просто кратко обозначу дальнейший ход исследования.

Особый интерес непальского общества в изучаемом регионе для исследования, как уже отмечалось выше, заключается в том, что это общество кастовое, причем кастовая принадлежность в нем играет большую социальную роль. В этом контексте интересно задаваться вопросом о том, как дети и подростки приходят к формированию своей «картины мира», каким образом в таком обществе у них формируется собственная идентичность и понимание ее.

То, как это происходит, а точнее один из путей, как это может происходить, демонстрируется на примере интервью с подростком, который принадлежит к одной из низших каст этого общества. Представительницам и представителям этой касты отказано во многих правах и привилегиях, им постоянно напоминают об их «второсортной» природе, а также показательно избегают контакта вплоть до отказа пустить их на порог своих домов. Случай этого подростка примечателен тем, что, будучи представителем одной из низших каст, он при этом не согласен со «справедливостью» своего положения, считает, что текущая система плоха и мечтает о том, чтобы ее не стало:

Сестра, система неправильная, но душа человека (man) правильная. Нам не следует делать такие вещи. Здесь многие говорят: «Не приходи сюда. Это нехорошо». Но, как и все они, сестра, я учился. Мне не следует так поступать (т. е. относиться к людям по-разному в зависимости от их касты).

Это обстоятельство делает речь подростка чрезвычайно интересной для исследования. Ведь, с одной стороны, он реконструирует «голоса» кастовой системы, которая запрещает ему входить в дома и всячески его унижает. С другой — он позиционирует себя в будущем как обучившегося человека, вышедшего за пределы кастовых делений:

В высказывании Хари гегемония каст вводится в форме определенных говорящих, Бахун и Ньвар, которые репрезентируют и воплощают исторически

мощные социальные силы. Но Хари предвидит время, когда эти силы изменятся, по крайней мере локально, в результате его деятельности и, вероятно, деятельности подобных ему. На нарратив Хари влияют его собственная история и прежние говорящие, но он ориентирован на будущие надежды и на будущую аудиторию.

В речи подростка, таким образом, раскрывается своеобразное многоголосье, где своим уникальным голосом обладают и касты, и представительницы и представители этих каст, и сам подросток, причем в своем теперешнем и будущем состоянии:

Высказывание Хари значимо на многих уровнях. Это экстернализованный дискурс, конструирующий констелляцию Я и других, диалогически объединяющий спорные, основанные на кастовой системе локальные практики, существующие в отдельных областях, вроде школы, и альтернативное видение социальных отношений. Но это высказывание также дает нам доказательство роли внутренней речи в процессе развития сознания. Высказывание Хари сделано с отсылкой к конфигурированному миру кастовых отношений, который он знает по собственному опыту.

С дальнейшими деталями и подробностями анализа можно ознакомиться уже в самой статье.

Д. Э. Гаспарян, к. филос. н., доц. (НИУ ВШЭ)

ДЕБРА СКИННЕР, ЯАН ВАЛСИНЕР, ДОРОТИ ХОЛЛАНД

РАЗЛИЧАЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЕ Я*

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ
НАРРАТИВА НЕПАЛЬСКОГО ПОДРОСТКА

В сущности, язык, как живая социально-идеологическая конкретность, как разноречивое мнение, лежит для индивидуального сознания на границах своего и чужого. Слово языка — получужое

*© Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: © Диана Э. Гаспарян (ORCID: 0000-0002-5541-074X). Оригинал: *Skinner D., Valsiner J., Holland D. Discerning the Dialogical Self : A Theoretical and Methodological Examination of a Nepali Adolescent's Narrative // Forum Qualitative Sozialforschung. — 2001. — Vol. 2, no. 3. Перевод выполнен при поддержке гранта РФФ «Отечественная философия XIX–XXI вв. в интеллектуальном пространстве Запада: критика, рецепция, диалог», 2019–2021, № 19–18–00100.*